

NAMANGAN DAVLAT
UNIVERSITETI
ILMIY AXBOROTNOMASI, [2026-9]
ISSN:2181-1458
ISSN:2181-0427

10.00.00-FILOLOGIYA
journal.namdu.uz
PHILOLOGICAL

УДК: 81'22

КАУЗАТИВНОСТЬ И ЯЗЫКОВЫЕ КАТЕГОРИИ ПРИЧИННОСТИ, КАУЗАЦИИ, КАУЗАТИВНОЙ СИТУАЦИИ

Буранова Нилуфар Шавкатовна

и.о. доцента Андижанского филиала Кокандского университета

ORCID 0000-0001-6351-7152

E-mail: liliaburanova1002@gmail.com

Аннотация: Статья представляет собой методологический обзор понятийного аппарата, обслуживающего изучение каузативности. Обосновывается необходимость последовательного разграничения четырёх сущностей, в исследовательской практике регулярно смешиваемых: причинности как онтологической и логико-философской категории, каузации как категории когнитивно-семантической, каузативной ситуации как единицы денотативного уровня и каузативности как функционально-семантической категории языка.

Ключевые слова: каузативность, причинность, каузация, каузативная ситуация, каузатор, каузуат, функционально-семантическое поле, морфологический каузатив, силовая динамика, русский язык, узбекский язык.

KAUZATIVLIK VA SABAB, KAUZATSIYA, KAUZATIV VAZIYAT KABI TILSHUNOSLIK KATEGORIYALARI

Annotatsiya: ushbu maqolada kauzativlikni o'rganishni qo'llab-quvvatlovchi kontseptual asosning metodologik sharhi keltirilgan. Unda tadqiqot amaliyotida muntazam ravishda aralashtirib yuboriladigan to'rtta mohiyat o'rtasida izchil farqlash zarurligi asoslanadi: ontologik va mantiqiy-falsafiy kategoriya sifatida kauzativlik, kognitiv-semantik kategoriya sifatida kauzativlik, denotativ darajadagi birlik sifatida kauzativ vaziyat va sabab tilning funksional-semantik kategoriyasi sifatida ko'rib chiqilgan.

Kalit so'zlar: kauzativlik, sabab, kauzatsiya, kauzativ vaziyat, kauzator, kauzat, funksional-semantik maydon, morfologik kauzativ, kuch dinamikasi, rus tili, o'zbek tili.

CAUSATIVENESS AND LINGUISTIC CATEGORIES OF CAUSALITY, CAUSATION AND CAUSATIVE SITUATION

Abstract: This paper offers a methodological review of the conceptual apparatus underpinning research into causativity. It argues for a consistent distinction between four entities that research practice regularly conflates: causality as an ontological and logico-philosophical category, causation as a cognitive-semantic category, the causative situation as a unit of the denotative level, and causativity as a functional-semantic category of language.

Keywords: causativity, causality, causation, causative situation, causer, causee, functional-semantic field, morphological causative, force dynamics, Russian language, Uzbek language.

Введение

Каузативность принадлежит к тому немногочисленному разряду языковых категорий, универсальность которых не вызывает сомнений. По типологическим оценкам, около девяноста трёх процентов языков мира располагают по меньшей мере одной специализированной каузативной конструкцией [12]. Универсальность здесь не удивительна: способность связывать события отношением «одно произошло из-за другого» относится к базовым операциям человеческого мышления, и язык не мог бы обойтись без средств её выражения.

Парадоксальным образом именно фундаментальность категории породила её терминологическую размытость. В исследовательской практике, а именно в диссертациях, монографиях, статьях термины «причинность», «каузальность», «каузация», «каузативность», «каузативная ситуация», «каузативное значение» употребляются то как синонимы, то в непересекающихся значениях, то в значениях, пересекающихся частично и непредсказуемо.

Цель настоящей работы – методологическая и состоит в том, чтобы предложить новое описание каузативных конструкций какого-либо языка, а в том, чтобы упорядочить понятийный аппарат, обслуживающий их изучение: развести смежные категории по эксплицитным критериям, соотнести их между собой, показать, какие исследовательские процедуры адекватны каждому уровню, и обозначить зоны, где типологические обобщения нуждаются в проверке на материале агглютинативных языков.

Анализ литературы

Первая из рассматриваемых категорий – причинность – не является языковой. Она принадлежит онтологии и теории познания и описывает отношение между явлениями действительности, а не между единицами языка. Историю её осмысления целесообразно проследить, поскольку каждая философская концепция причинности оставила в лингвистике отчётливый след.

Аристотель выделил четыре типа причин – материальную, формальную, действующую и целевую, и это различие показывает, что «причина» изначально понималась широко, включая то, что современная наука отнесла бы к условиям, структуре и цели. Лингвистически это отражено в том, что языки регулярно используют одни и те же средства для выражения причины и цели: русское «из-за» и «для», английские «for» и «because», узбекские «uchun» и «sababli» образуют зоны частичного пересечения.

В XX веке были сделаны два важных уточнения данной проблемы. Контрфактуальный анализ [8] определяет причину через условное суждение: А есть причина В, при отсутствии А не было бы и В. Манипулятивная концепция положила в основу понятие вмешательства: причина есть то, посредством воздействия на что можно вызвать следствие. Последняя оказалась особенно значимой для лингвистики, поскольку прототипическая каузативная конструкция описывает именно вмешательство агенса.

К перечисленным концепциям следует добавить вероятностную трактовку, согласно которой причина не влечёт следствие с необходимостью, а лишь повышает вероятность его наступления. Для лингвистики она значима тем, что объясняет существование конативных каузативных конструкций, описывающих воздействие без гарантированного результата: русское «уговаривал, но не уговорил», узбекское «ko' ndirmoqchi bo' ldi». Наличие в языке средств выражения безуспешной каузации показывает, что языковая модель причинности слабее логической: говорящий может утверждать наличие каузирующего действия при отсутствии каузируемого результата, тогда как строгая импликация этого не допускает.

Вторая категория – каузация – занимает промежуточное положение между онтологией и языком. Это не отношение в мире и не значение конкретной языковой формы, а концептуальная структура, посредством которой сознание организует опыт взаимодействия сил. Наиболее разработанная модель принадлежит Л.Талми и известна как силовая динамика.

Психолингвистическая верификация модели показала, что различие “cause, enable, prevent” не является теоретическим артефактом: носители языка устойчиво разграничивают эти конфигурации в экспериментальных условиях, а соответствующие концепты обслуживаются разными лексическими средствами: русскими «заставить», «позволить», «помешать», узбекскими «majbur qilmoq», «tuxsat bermoq», «xalaqit bermoq». Существенно, что содействие и препятствование традиционно выводились за пределы каузативности как «периферийные»; модель силовой динамики показывает, что они принадлежат той же концептуальной системе и различаются лишь конфигурацией параметров.

Альтернативную линию представляет теория семантических примитивов А.Вежбицкой. В её концепции “cause” входит в число неразложимых смыслов, посредством которых толкуются все остальные. Вежбицкая [1] выступила против декомпозиционного анализа генеративной семантики, показав, что «убить» не тождественно «каузировать умереть»: первое предполагает непосредственное воздействие, второе допускает опосредованность.

Методология исследования

Третья линия – событийно-цепочечная модель У.Крофта, в которой каузация представлена как передача силы по цепи участников, а грамматические отношения объясняются профилированием того или иного её сегмента [4]. Модель объясняет, почему одна и та же объективная ситуация допускает разные языковые представления: выбор начальной и конечной точки профилируемого отрезка цепи есть операция говорящего, а не свойство описываемого события.

Третья категория – каузативная ситуация – введена в научный оборот учёными ленинградской типологической школы, а именно Холодовичем, Недялковым, Сильницким, и относится к денотативному уровню: это фрагмент действительности в том виде, в каком он подлежит языковому кодированию. Её принципиальное свойством является сложность, так как каузативная ситуация есть макроситуация, разложимая на две микроситуации, связанные каузальным отношением.

Терминологическое замечание существенно для дальнейшего. Участник, претерпевающий каузацию, в российской и узбекской традиции обозначается как «каузируемый», в англоязычной – как causee; в настоящей

работе используется краткий термин «каузат», удобный в силу морфологической соотнесённости с «каузатором». Смещение каузата с пациенсом некорректно: каузат может сохранять агентивность и совершать собственное действие («Учитель заставил студента читать» – «O' qituvchi talabani o' qishga majburladi»), тогда как пациент агентивностью не обладает.

Для практического анализа существенно, что перечисленные свойства каузальной связи операциональны, то есть допускают проверку. Импликативность проверяется контрфактуальным тестом: снятие каузирующей микроситуации должно устранять каузируемую. Необратимость проверяется перестановкой компонентов, которая должна давать либо неграмматичность, либо изменение смысла.

Результаты и их обсуждение

В.П.Недялков и Г.Г.Сильницкий предложили классификацию каузативных ситуаций по соотношению онтологического статуса микроситуаций, различив четыре комбинации: воздействие лица на лицо, лица на предмет, события на лицо и события на событие. Классификация сохраняет ценность, поскольку каждая комбинация накладывает собственные ограничения на выбор языковых средств: воздействие события на событие практически исключает морфологический каузатив и требует синтаксических средств, тогда как воздействие лица на лицо образует прототипическую зону морфологического и лексического каузатива. Тем самым денотативная классификация приобретает предсказательную силу относительно языкового оформления.

Отдельного упоминания заслуживает промежуточный тип, введённый М.Шибатани и П.Пардеши [11], где обозначена социативная каузация, при которой каузатор не просто вызывает действие каузата, но участвует в нём совместно.

Русские конструкции типа «Мать умыла ребёнка» описывают именно такую ситуацию – каузатор физически вовлечён в каузируемое действие. Авторы показали, что социативная каузация занимает на континууме директности позицию между непосредственной и опосредованной, и что многие языки маркируют её специализированными средствами.

Проведённый анализ позволяет эксплицировать различия, обычно остающиеся неартикулированными. Мы предлагаем разграничивать четыре сущности по пяти критериям: уровню бытования, объекту отнесения, способу верификации, отношению к языковой форме и характеру вариативности.

Отношения между четырьмя категориями не являются отношениями включения. Причинность выступает онтологическим основанием, но не источником языковой категории напрямую: между ними располагается концептуализация. Каузация есть когнитивный посредник, каузативная ситуация – единица, задающая объём подлежащего кодированию содержания, каузативность – языковой ответ на этот запрос. Утверждение «каузативность отражает причинность» некорректно как минимум двумя пропущенными звеньями; корректная формулировка гласит, что каузативность есть система идиоэтнических средств выражения каузативных ситуаций, структурированных концептом каузации, который, в свою очередь, представляет собой когнитивную обработку опыта причинных связей.

Наиболее адекватным аппаратом описания каузативности представляется теория функционально-семантических полей, разработанная в российской лингвистике. Поле определяется как двусторонняя категория, объединяющая разноуровневые средства выражения общего семантического содержания и обладающая полевой структурой.

Состав ядра языкоспецифичен, и это обстоятельство методологически принципиально. В агглютинативных языках тюркской группы ядро образует морфологический каузатив: узбекские показатели -tir/-dir, -ir, -t, -giz/-kiz/-qiz, -gaz/-kaz/-qaz, -sat, -ar, -iz отличаются высокой регулярностью и продуктивностью [9]. В русском языке морфологический каузатив нерегулярен и представлен реликтовыми оппозициями («гаснуть – гасить», «сохнуть – сушить»), вследствие чего ядро смещается к лексическим каузативам и аналитическим конструкциям с «заставить», «вынудить», «дать», «позволить».

Существенным аспектом описания поля является взаимодействие каузативности со смежными категориями, прежде всего, с аспектуальностью и переходностью. Каузативизация систематически меняет акциональный класс предиката: неопределённый глагол состояния при присоединении каузативного показателя даёт предельный глагол изменения состояния. Одновременно повышается синтаксическая переходность. Оба следствия делают каузатив узловой точкой грамматической системы, что объясняет, почему его описание невозможно вести изолированно от теории залога и теории аспекта.

Классификация каузативов по формальному признаку восходит к Б.Комри и различает три типа: лексический, при котором каузация выражена самим корнем; морфологический, при котором она выражена аффиксом; и аналитический, при котором каузирующий и каузируемый предикаты выражены отдельными словоформами [2]. Комри показал, что типы образуют шкалу формальной слитности, и связал её с иерархией

падежного оформления каузата: при каузативизации переходного глагола каузат занимает первую свободную позицию в иерархии «подлежащее – прямое дополнение – косвенное дополнение – периферийный член».

Рисунок 1. Соотношение формальной слитности и семантической директности каузативов.

Самостоятельную типологическую линию образует исследование инхоативно-каузативных чередований [6]. Пара «ломаться – ломать» может быть организована тремя способами: каузативным (некаузативный член исходен, каузативный произведен), антикаузативным (обратное соотношение) и эквиолентным, при котором оба члена производны от общей основы. Хаспельмат показал, что распределение типов по языкам не случайно и коррелирует со степенью спонтанности обозначаемого события: чем спонтаннее событие, тем вероятнее каузативная маркировка, чем менее спонтанно, тем вероятнее антикаузативная [6].

Наиболее детальную типологию предложил Р.Диксон, выделивший девять семантических параметров [5], по которым языки различают каузативные конструкции.

Три из них относятся к каузируемому глаголу, три – к каузату и три – к каузатору. Ценность этой системы состоит в том, что она задаёт закрытый перечень признаков, по которому можно строить сопоставительное описание любой пары языков.

Особый интерес для типологии представляет многоступенчатый каузатив, регулярно образуемый в тюркских языках. Узбекские формы типа «ko'rsattirmoq, undirtirmoq, gapirtirmoq» [11] содержат два последовательно присоединённых каузативных показателя и обозначают каузацию: каузатор побуждает посредника побудить третьего участника. Материал агглютинативных языков здесь обладает разрешающей способностью, недоступной на материале языков флективного строя.

Корпусные методы для узбекского языка находятся в стадии становления, однако появление аннотированных ресурсов, включающих разметку залоговых и каузативных аффиксов, делает статистическую верификацию реально осуществимой [11]. Наиболее перспективным представляется сочетание корпусного анализа с экспериментальным: корпус устанавливает, какие конструкции употребляются и с какой частотностью, эксперимент – какие различия психологически реальны для носителя.

Сопоставительное исследование требует особой осторожности в выборе основания сравнения. Сравнение по форме (сопоставляются аффиксы с аффиксами, конструкции с конструкциями) приводит к ложным выводам при работе с языками разного строя, поскольку одно и то же содержание распределено в них по разным уровням. Корректным основанием служит либо семантический инвариант, то есть набор параметров каузативной ситуации, либо конкретная денотативная ситуация, предъявляемая информантам в невербальной форме. Второй путь методологически чище, поскольку исключает влияние языка-посредника, но требует организации полевой работы.

Результаты. Обзор позволяет обозначить несколько аспектов, в которых имеющиеся обобщения нуждаются в уточнении.

Первый аспект – соотношение каузатива и залога. В тюркской грамматической традиции каузатив описывается как одна из залоговых форм (orttirma nisbat), тогда как в типологической традиции он трактуется как валентностно повышающая деривация, противопоставленная залогу как операции над диатезой без изменения числа участников.

Второй аспект – граница между фактивом и пермиссивом. Многие языки, включая узбекский, используют один и тот же показатель для побуждения и разрешения, что порождает регулярную полисемию, разрешаемую контекстом.

Третий аспект – неагентивная и естественная каузация. Прототипическая модель, восходящая к манипулятивной концепции причинности, предполагает агенса, действующего намеренно. Однако существенная часть каузативных высказываний описывает ситуации без агенса: «Мороз побил посе́вы», «Дождь испортил праздник». Степень допустимости неагентивного каузатора и языковые ограничения на такие конструкции распределены по языкам неравномерно и систематически не описаны.

Четвёртый аспект – типологическое положение узбекского материала. При том что тюркские языки традиционно приводятся в типологических работах как образец продуктивного морфологического каузатива, современных описаний узбекской каузативности, выполненных в терминах девяти параметров Диксона и континуума Шибатани, практически нет. Заполнение этой лакуны позволило бы не только описать конкретный язык, но и проверить универсальность самих параметров.

Пятый аспект – диахронический, где аналитические каузативные конструкции обнаруживают устойчивую грамматическую тенденцию: полнозначный глагол со значением «делать», «давать» или «ставить» постепенно утрачивает лексическую самостоятельность, десемантизируется и превращается в служебный показатель, а при дальнейшем развитии – в аффикс. Тюркский материал, где морфологический каузатив уже прошёл весь путь развития и сосуществует с новыми аналитическими образованиями, позволяет наблюдать несколько стадий одновременно.

Выводы

Проведённый методологический обзор позволяет сформулировать несколько заключений. Во-первых, причинность, каузация, каузативная ситуация и каузативность суть четыре различные категории, принадлежащие соответственно онтологическому, когнитивному, денотативному и языковому уровням. Во-вторых, каузативная ситуация обладает устойчивой структурой, включающей каузирующую и каузируемую микроситуации, каузальную связь с тремя формальными свойствами и набор параметров, из которых директность, контроль каузата и модальность каузации обладают наибольшей типологической значимостью. И в-третьих, адекватная программа исследования требует последовательного прохождения четырёх этапов – понятийного, языкового, системного и речевого.

Вклад авторов, конфликт интересов и финансирование

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в разработку концепции исследования, анализ данных и подготовку рукописи. Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов. Финансирование: Исследование проводилось без внешней финансовой поддержки.

Foydalanilgan adabiyotlar

1. A. Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. Семантические универсалии и описание языков. 2006
2. Comrie, B. (1976). The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences. In M. Shibatani (Ed.), *Syntax and semantics 6: The grammar of causative constructions* (pp. 261–312). Academic Press.
3. Copley, B., & Martin, F. (Eds.). (2014). *Causation in grammatical structures*. Oxford University Press.
4. Croft, W. (2012). *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford University Press.
5. Dixon, R. M. W. (2000). A typology of causatives: Form, syntax and meaning. In R. M. W. Dixon & A. Y. Aikhenvald (Eds.), *Changing valency: Case studies in transitivity* (pp. 30–83). Cambridge University Press.
6. Haspelmath, M. (1993). More on the typology of inchoative/causative verb alternations. In B. Comrie & M. Polinsky (Eds.), *Causatives and transitivity* (pp. 87–120). John Benjamins.
7. Kulikov, L. (2001). Causatives. In M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, & W. Raible (Eds.), *Language typology and language universals* (Vol. 2, pp. 886–898). De Gruyter.
8. Lewis, D. (1973). Causation. *The Journal of Philosophy*, 70(17), 556–567. <https://doi.org/10.2307/2025310>
9. Sharipov, M., & Vičič, J. (2025). Dataset of Uzbek verbs with formation and suffixes. *Data in Brief*, 60, 111731. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2025.111731>
10. Shibatani, M. (Ed.). (1976). *Syntax and semantics 6: The grammar of causative constructions*. Academic Press.
11. Shibatani, M., & Pardeshi, P. (2002). The causative continuum. In M. Shibatani (Ed.), *The grammar of causation and interpersonal manipulation* (pp. 85–126). John Benjamins.
12. Song, J. J. (1996). *Causatives and causation: A universal-typological perspective*. Longman.

References

1. A. Vejbitskaya (2006). Yazik. Kultura. Poznanie. Semanticheskie universali i opisanie yazykov.
2. Comrie, B. (1976). The syntax of causative constructions: Cross-language similarities and divergences. In M. Shibatani (Ed.), *Syntax and semantics 6: The grammar of causative constructions* (pp. 261–312). Academic Press.
3. Copley, B., & Martin, F. (Eds.). (2014). *Causation in grammatical structures*. Oxford University Press.
4. Croft, W. (2012). *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford University Press.
5. Dixon, R. M. W. (2000). A typology of causatives: Form, syntax and meaning. In R. M. W. Dixon & A. Y. Aikhenvald (Eds.), *Changing valency: Case studies in transitivity* (pp. 30–83). Cambridge University Press.
6. Haspelmath, M. (1993). More on the typology of inchoative/causative verb alternations. In B. Comrie & M. Polinsky (Eds.), *Causatives and transitivity* (pp. 87–120). John Benjamins.
7. Kulikov, L. (2001). Causatives. In M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, & W. Raible (Eds.), *Language typology and language universals* (Vol. 2, pp. 886–898). De Gruyter.
8. Lewis, D. (1973). Causation. *The Journal of Philosophy*, 70(17), 556–567. <https://doi.org/10.2307/2025310>
9. Sharipov, M., & Vičič, J. (2025). Dataset of Uzbek verbs with formation and suffixes. *Data in Brief*, 60, 111731. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2025.111731>
10. Shibatani, M. (Ed.). (1976). *Syntax and semantics 6: The grammar of causative constructions*. Academic Press.
11. Shibatani, M., & Pardeshi, P. (2002). The causative continuum. In M. Shibatani (Ed.), *The grammar of causation and interpersonal manipulation* (pp. 85–126). John Benjamins.
12. Song, J. J. (1996). *Causatives and causation: A universal-typological perspective*. Longman.